

ГЛАВА 1

Грозовой ливень продолжался всю ночь. Начавшийся накануне около полудня сильный дождь тоже был желанным подарком, но о чем-то более серьезном речи тогда не шло. На дворе стояло лето, самая что ни на есть середина июля, и солнце распоясалось вовсю. Пассажирам в метро раздавали бутылки с водой, спрос на вентиляторы и кондиционеры традиционно превысил спрос на ноутбуки и кофеварки, и фирмы по продаже и установке сплит-систем грести выручку лопатами. Полковник полиции следователь Лев Иванович Гуров, однако, вполне мирно уживался с переносным напольным вентилятором, натужно гудевшим во время работы, но исправно исполняющим свои прямые обязанности вот уже третий год.

В августе этого года синоптики прогнозировали дожди чуть ли не каждый день, но то ли что-то у них там сломалось, то ли они сами запутались, но ни капли дождя после их обещаний на землю так и не упало. Жара не сдавалась, изматывала, температура воздуха даже по ночам не опускалась ниже двадцати пяти выше нуля, и когда накануне сухой горячий воздух неожиданно раскололи слабые и вскоре затихнувшие громовые раскаты, Гуров не поверил своим ушам. А через час соцсети завалили видеоролики, снятые свидетелями того, как подземные парковки превращаются в запруды, а люди пытаются пройти там, где с утра еще была видна земля, а сейчас волновалось открытое море. К ночи к мощному дождю прибавилась и гроза.

К утру Москву основательно затопило.

Этим утром Гуров стоял на балконе со стаканом воды в руке и с тоской осматривал окрестности. Подъездная дорога к дому превратилась в сплошной водоем, перекрывавший путь прохожим, а когда они сходили с тротуара на газон, чтобы обойти препятствие, то попадали в другую ловушку — под травой скрывалась размытая

ливнем почва. Оскальзываясь, люди все же шли вперед, растопылив руки и пачкая летнюю обувь в грязи.

Утренний звонок от начальства насторожил бы кого угодно. В случае полковника Гурова это был его непосредственный руководитель, генерал-майор Петр Николаевич Орлов. Но даже он, несмотря на полномочия, редко беспокоил подчиненных во внеурочное время. Как правило, предпочитал дожидаться, пока они доедут до работы, а потом уже позволял себе всякое.

— Доброе утро, Лев Иванович, — шумно выдохнул в трубку Орлов.

— Взаимно, Петр Николаевич, — с готовностью откликнулся Гуров, выбираясь с балкона в комнату. — Что-то срочное?

— Боюсь, что да.

— Скоро буду, — прикинул Гуров. — Как раз собирался выходить. Как там на подъезде к работе? Все небось залито?

— Меняй планы, Лев Иванович. С утра нужно съездить в одно место.

По его тону стало понятно, что дело не только срочное, но и важное.

В комнате появилась жена Гурова — Маша. Вопросительно взглянув на него, мол-

ча указала подбородком на телефон. «Иди, иди. Все в порядке», — жестом ответил Гуров. Маша еще раз бросила в его сторону пристальный взгляд и ушла.

— Что-то из сводки происшествий? — предположил Гуров. — Или просто куда-то нужно будет заехать?

Обычно так оно и было: они с напарником Стасом Крячко по указанию Орлова, не заезжая в Управление, сразу же отправлялись на место происшествия. Это позволяло им здорово сэкономить время и успеть осмотреть участок до того, как его заполнят любопытствующие и затопчут место осмотра.

— Помнишь такого Лигунова, Лев Иванович? — тяжело вздохнув, спросил Орлов. — Мы его еще в девяностых ездили поздравлять с Днем милиции? Генерал в отставке.

Гуров впал в ступор. Вот так вот сразу он не мог вспомнить ни человека с такой фамилией, ни свой визит к нему.

— Да сколько времени-то прошло, Петр Николаевич, — пробормотал Гуров. — А что там?

— Ты вспомнишь, — утвердительно произнес Орлов. — Тверская, дом девять. Вид

из окон на Красную площадь. В квартире пять или шесть комнат, если не больше. И пудель с бантом на голове. Мы везли генералу армянский коньяк и серебряные стопки ручной работы. Добрый такой мужик, а его жена нас за стол звала.

Гуров уставился в потолок. Память буксовала. Описанные Орловым подробности пока что ни о чем не говорили.

— Извини, Петр Николаевич...

— Лигунова уже нет в живых, — оборвал его Орлов. — А вот его супруга до сих пор там проживает. Этой ночью застрелила подругу своего внука. Утверждает, что на почве бытовой ссоры. Ей сейчас под восемьдесят.

— Кому под восемьдесят? Подруге внука? — окончательно запутался Гуров.

— Остряк, — мрачно заметил Орлов.

— А мы-то там зачем? — удивился Гуров, медленно двигаясь в сторону кухни. — Местный отдел полиции, думаешь, не справится?

— В местном отделе полиции сильные следователи, Лев Иванович, но я тебя попрошу взять дело на особый контроль. В конечном итоге всю работу придется делать

нам. После, когда уже будете на Петровке, я все подробно объясню. Сам не могу там быть, иначе бы позвонил уже оттуда.

Гуров угадал тон Орлова. Потом, значит, потом.

— Ну... хорошо, — с готовностью откликнулся он. — Надо обратить внимание на что-то особенное?

— Много ли ты знаешь людей в преклонном возрасте, которые спокойно попадут в центр небольшой мишени с расстояния в четыре с половиной метра, да еще в слабо освещенном помещении? — спросил Орлов. — Прибавь к этому плохое зрение и тремор рук у стрелка.

Гуров зашел на кухню, протянул пустой стакан Маше и вернулся в комнату.

— Не веришь ты в чудеса, Петр Николаевич, — назидательным тоном произнес он.

— А ты их много на своем веку повидал? — спросил Орлов. — Но да, сильно смахивает на чудо. Потому что в этом случае если старушка не врет, то, видимо, без магии не обошлось. Она утверждает, что всадила жертве пулю прямо в лоб с первой попытки. Якобы находилась в состоянии аффекта. Я, конечно, все понимаю...

— Интересное кино, — согласился Гуров.

— Я ничего не исключаю, Лев Иванович. Может быть, это просто роковое стечение обстоятельств. То самое «волшебство», о котором ты говоришь. Эксперты нам помогут. Но вот чего я больше всего боюсь: если мы все решим, что чудеса существуют, то настоящий убийца останется гулять на свободе.

— Сколько лет было жертве?

— Двадцать шесть.

— А кто вызвал полицию? Вдова?

— Да, сама Лигунова и вызвала. Потопись, пожалуйста. На Петровку заезжать не нужно, опергруппа на Тверскую уже выехала.

— Я тебя понял, Петр Николаевич. Захватывающе. Стаса по пути.

— Разберетесь, — заключил Орлов. — Как вернетесь — первым делом ко мне.

— Само собой, Петр Николаевич.

Дорогу Гуров вспомнил, едва машина въехала в огороженный двор. Охранник с подозрением взял в руку протянутое ему служебное удостоверение и замешкался, не зная, как себя вести дальше.

— Так полиция уже приехала, — недоверчиво пробормотал он.

— Пропустите нас, товарищ, — обратился к нему Крячко. — Полиции много не бывает, а вместе мы редко куда-то приезжаем во избежание привлечения внимания.

— Открывайте уже, — приказал Гуров, которому надоели препирательства.

Охранник вернулся в свою «будку» и поднял шлагбаум.

— Вон и наши, — опознал Гуров личный автомобиль судебно-медицинского эксперта. — Надеюсь, мы не опоздали.

Вспомнился ему и подъезд, через который давным-давно они с генерал-майором Орловым попали в здание. Жильцов встречал просторный холл с желтым мраморным полом, а у стены справа стоял широкий стол, за которым их встретила добродушная пожилая консьержка. Сейчас же на месте стола красовалась благоустроенная кабинка, за стеклом которой виднелось крутящееся кресло, покрытое старой ковровой дорожкой.

Возле лифта они увидели пожилого мужчину. Смотрелся он очень презентабельно ■ и внешне абсолютно не вписывался в окру-

жающую среду. Высокий, с мужественными чертами лица, он очень напоминал голливудского актера Клинта Иствуда, облачившегося в черный костюм-тройку, из-под которого выглядывала белая сорочка. На груди красовался искристый зеленый галстук, выпущенный не позже семидесятых годов прошлого столетия. Старик стоял прямо возле раздвижных дверей и, затаив дыхание, прислушивался. Завидев сыщиков, смерил их подозрительным взглядом.

— Добрый день, — поздоровался он низким голосом. — Вы к Елене Андреевне?

— Нет, — покачал головой Гуров. — К Лигуновым.

— Ах да... да, — смутился старик. — Конечно, к Лигуновым. Я консьерж, — с гордостью добавил он. — Уже девятнадцать лет занимаю этот пост. Василий Васильевич меня зовут. Сам давненько в этом доме живу.

Гуров и Крячко дружно вынули из карманов удостоверения, но ни к одному старик не прикоснулся.

— Не нужно, — отказался он. — Я уже знаю, что произошло. К Лигуновым вам на самый верх. Девятый этаж. Такая суматоха ■

с самого утра, такая беготня. А мне к Луневой Елене Андреевне еще ветеринара проводить надо — у нее собака задыхается. Да и лифт бы еще не застрял от такого частого использования. Вот и бегаю туда-сюда.

— Зачем же бегаете? — поинтересовался Гуров, раздвигая двери лифта. — Сидели бы на месте, если уж ваше рабочее место там. Тот, кому нужно, сам к вам подойдет.

— Да знаете, после случившегося места себе не нахожу, — признался консьерж. — Брожу туда и обратно.

— Лева, — кивком позвал Крячко из лифта. — Потом поговорим, Василий Васильевич, ладно?

— Я здесь с шести утра до одиннадцати вечера, — объявил старик. — Буду рад помочь, если понадобится. Но сразу хочу сказать, что Елизавета Ильинична была хорошей женщиной. Я уже поговорил с полицией, но там не особо интересовались такими подробностями. Между тем и муж ее, пока был жив, тоже забегал ко мне на коньячок. Хорошие люди, таких теперь осталось крайне мало!

— Почему вы говорите о Елизавете Ильиничне в прошедшем времени? — спросил ■ Гуров.

— Так ее же убили, — растерялся старик.

— Кого? — не понял Гуров.

— Лева! — уже громче повторил Стас. —

Надо идти.

— Еще увидимся, — пообещал Гуров, заходя в лифт.

— Конечно, конечно, — отступил старик.

Лифт тронулся. Наверх он шел с натугой, со скрипами, вздохами и протяжными стонами, и Гуров не мог не удивиться тому, что такие агрегаты все еще сохранились в старых жилых домах. Не дай бог действительно застрянет.

— Василий Васильевич станет нашим самым ценным свидетелем, — усмехнулся Крячко. — Помяни мое слово.

— А если он еще и сплетни коллекционирует, то ему вообще цены не будет, — добавил Гуров.

— Ты прав. Попозже надо бы с ним потолковать.

Ну, конечно, он бывал здесь раньше. Теперь память Гурова откупирила отсек с теми мелочами, которые работают как ключи для дверей, за которыми лежит хлам, скопившийся за все годы жизни. Чего здесь ■

только не было: обрывки чьих-то фраз, мелкие переживания, сиюминутные решения, неосуществленные планы, смазанные фрагменты мелькнувших хотя бы раз перед глазами лиц и куча всего остального, что в жизни так и не пригодилось. Та давняя поездка вспомнилась Гурову не в общем и целом, не как что-то цельное или законченное, но вернулась в виде мелочей. Например, круглую дверную ручку, по-видимому, сделанную из бронзы, он почему-то запомнил. И саму входную дверь из красного дерева. Очень уж впечатляюще она выглядела, когда Гуров впервые перед ней оказался. Будто бы намекала, что за ней не хухры-мухры живут, а серьезные люди, до которых еще тянуться и тянуться. Сколько же лет прошло с тех пор? Около тридцати? А дверь все та же. И лифт тот же. Но вот сам лифт Гуров совершенно не помнил.

Судебно-медицинский эксперт Дроздов встретил его на лестничной площадке и сразу же отвел в прихожую. Гуров вытянул шею — коридор расходился здесь в разные стороны. Слева, если он все правильно запомнил, располагалась кухня, а вот справа должна была начаться анфилада комнат.

— «Скорая» только что уехала, — объявил Дроздов. — В порядке наша бабушка. Давление слегка... но даже вмешиваться не стали.

— Где она?

— А я ее вам пока что не отдам, — прищурился Дроздов. — Сначала сам проведу осмотр. Жалуется, что была жертвой домашнего насилия. Мол, убитая ею деваха распускала руки.

— Серьезно? — удивился Стас. — Что же, и следы имеются?

— А их нет, — многозначительно произнес судмед.

— Загадка века, — подивился Крячко.

— Много времени тебе нужно? — спросил Гуров.

— Это как пойдет, — ответил судмед-эксперт. — Но вам все равно пока будет с кем поговорить. На кухне оперативники допрашивают свидетеля. А к бабуле уже сын с внуком приехали. Ждут в соседней комнате.

— Труп осмотрим сейчас или после того, как ты освободишься?

— Я свое дело сделал, теперь давай сам, Лев Иванович. С трупом я все закончил. ■

Если коротко, то деваха умерла на месте. Вот прям где стояла, там и легла. Смерть наступила часов восемь или девять назад, позже скажу точнее, но пока что опирайтесь на это. Вскрывать, конечно, буду, но, по моему скромному мнению, причина смерти налицо.

— На лице, — поправил Стас.

Гуров и судмедэксперт молча уставились на Крячко.

— Предполагаемую причину я озвучил. Тут без вариантов. — Дроздов почесал кончик носа.

— Добро, — вздохнул Гуров.

— Я хотел бы присутствовать, — повернулся Стас к Дроздову.

— А на кой ты мне там нужен? — вздернул брови судмедэксперт.

— Пусть идет с тобой, — попросил Гуров. — Вдруг наша старушка что-то ценное выдаст?

Сначала Гуров решил пообщаться со свидетелем. Орлов ошибся: полицию вызвала не подозреваемая, а ее сосед, которым оказался юноша двадцати трех лет. Он сидел за столом на кухне в компании двух

оперативников и нервно шарил пальцами под рукавами мятой футболки.

Гуров и Крячко поздоровались с коллегами.

— С Петровки? — деловито осведомился у них оперативный уполномоченный. — Нас предупредили, что вы будете. Сами начнете или все-таки мы?

— Продолжайте, — разрешил Гуров. — Мы пока осмотримся.

— Вы вовремя, мы только начали, — сообщил оперативный уполномоченный, указывая на незаполненный протокол допроса. — Так что, Андрей Андреевич Прологов, скажете?

— Особо нечего, — пожал плечами парень. — Утром собирался на работу, и тут в дверь позвонила соседка.

— Где работаем?

— Преподаю в художественной школе. Веду курсы. Сегодня как раз должен был начать с новичками.

— Во сколько в вашу дверь позвонили?

— В восемь пятнадцать, я на часы сразу посмотрел. Подумал, что, блин, не вовремя-то как, мне же бежать надо. Но я не удивился, так как иногда Елизавета Ильи-

нична просила меня о чем-нибудь. Например, снять показания электросчетчика или поменять батарейки в тонометре. Сама сделать этого не могла, потому что плохо видела. А счетчик так и вовсе на лестничной площадке у нас. Вы, наверное, заметили, что электрощитки расположены довольно высоко от уровня пола? Елизавете Ильиничне было сложно дотянуться. А я рядом, мне не трудно помочь. С ней вроде бы живут родственники, но она к ним почему-то не обращается.

— Значит, тесно с соседями не общаетесь?

— Да как-то... не срослось. Не, вы не подумайте, я бесконфликтный, но там люди такие... Неразговорчивые. Поздоровался пару раз с парнем, он кивнул и даже руки не подал. Ну и мне ни к чему как-то. А девчонка, которая с ним живет, вообще один раз на глаза попалась, прошла мимо в тишине и молчании. Иногда сразу видно, какие люди. Я человек довольно общительный, везде, где жил, с соседями общался нормально, а тут... Не знаю, что там у них... Не мое дело. Так и сегодня утром тоже, когда увидел в дверной глазок Елизавету Ильиничну,

то решил, что опять не может с чем-то справиться. Правда, времени у меня не оставалось, на работу уже опаздывал. Я об этом уже говорил, да? Ладно. А потом узнал, что нужно вызвать «скорую», ну и сразу спросил, для кого. Она же не одна живет. Мало ли?

— И что соседка вам на это ответила? — поинтересовался следователь.

Парень обвел взглядом полицейских и взволнованно сглотнул.

— Просто попросила вызвать полицию и «скорую».

— Просто попросила, ничего не объясняя? — спросил оперативник.

— Я сам спросил. Теперь жалею. Она ответила, что застрелила человека.

— Вы живете за стенкой. Посторонние звуки слышали?

— Вы имеете в виду выстрел? — растерялся Андрей. — Тут такое дело... Вчера вечером смотрел на «Ютьюбе» прямую трансляцию, и, наверное, это было немного громко, — ответил сосед. — Клянусь, я ничего не слышал.

— Вернемся к Елизавете Ильиничне.

— Вернемся. Я на каком-то автомате пошел к ней, она и не возражала. Но я сам ■

труп не видел. Не смог. Краем глаза только. Близко не рассматривал. И сразу же ушел к себе.

— И что же вы увидели?

— Руку человека на полу. Лежал он, если не ошибаюсь, на спине, потому что ладонь руки была повернута вверх. Не понял, женщина или мужчина. Блин, стремно все это. А что случилось? Она действительно кого-то застрелила?

— Действительно. — Оперативник начал заполнять протокол.

— Может, защищалась? — предположил парень. — К ней воры залезли? Или кто-то из ее родни там был?

— Это была девушка ее внука, — пояснил Гуров и тронул за плечо оперативника. — Если что, зовите.

— Мать моя, — выдохнул Андрей. — А кого же она грохнула?

Жертва лежала на пороге комнаты, ногами к входной двери, а головой, соответственно, в сторону комнаты. Как и сказал сосед, лицо ее смотрело в потолок. Глаза девушки были открыты, руки раскинуты в разные стороны. От входной двери

труп можно было не заметить, если только не сделать несколько шагов вглубь квартиры. Видимо, сосед так и сделал, но вовремя остановился и дальше решил не продолжать.

В середине лба убитой темнело небольшое отверстие с темно-красным ободком свернувшейся крови. Гуров присел на корточки, всмотрелся в рану. Следов пороха вокруг раны не наблюдалось. Значит, действительно стреляли с расстояния, а не в упор. Но об этом расскажут медэксперты после вскрытия. И о том, с какого расстояния произвели выстрел, и все остальные важные в ходе следствия детали.

Рядом с телом, у стены, лежала дамская сумка. Небольшая, бледно-салатового цвета, с массивной металлической пряжкой. Сама сумка была приоткрыта, внутри виднелась красная поверхность кожаного чехла для мобильного. Гуров приподнял крышку сумки кончиком пальца. Так и есть, телефон. Разряженный.

Подошел Крячко. Остановился, не доходя несколько шагов.

— Ну что там? — не поднимая головы, спросил Гуров.

— Слишком спокойная с учетом обстоятельств пожилая женщина и прыгающий вокруг нее судмедэксперт, — ответил Стас и кивнул на труп: — Красивая. — И продолжил задумчиво: — Но то ли бабушка на лекарствах, то ли и впрямь отлично держится.

— Или не в себе.

— Да нет. Сознание ясное. Если ты не против, я начну с ней беседовать. Дроздов попросил не тянуть.

— Начинай. А я пока с родными поговорю.

Стас задержался, всматриваясь в лицо девушки.

— Как могло до такого дойти? — задумчиво проговорил он.

— Да уж, — прокряхтел Гуров, поднимаясь на ноги. — И орудие убийства искать не надо.

— Все слишком идеально, — заметил Стас.

— Рад, что ты тоже это заметил.

Мужчины сидели на диване, приняв одну и ту же позу, и не сводили взглядов со своих рук, нервно растирая пальцы. Оба

молчали и не смотрели друг на друга. Увидев входящего в комнату Гурова, они одновременно встали и дружно принялись вытирать ладони о штаны. «Это ж надо так во всем совпадать, — мысленно поразился Гуров. — Будто бы запрограммированы».

Сын и внук Елизаветы Ильиничны поразительно походили друг на друга, будто две картинки «до и после». Оба невысокие, плотного телосложения, светловолосые, с одинаковыми короткими стрижками и растерянными выражениями на лицах. Лицо папаши украшала модная нынче растительность, и сын, похоже, тоже предпочитал не бриться. Даже одеты они были в одном стиле: в белые футболки и синие потертые джинсы. Запястье правой руки младшего представителя клана Лигуновых обвивала татуировка в виде сине-зеленой змеи, кусающей себя за хвост, и эта особая примета в виде набитого на коже рисунка наверняка сразу же бросалась в глаза любому. За татуху парень явно выложил немалые деньги, о чем говорило множество мелких деталей, над которыми наверняка пришлось трудиться не один день. Стас прошел дальше, в следующую комнату. Ту-

да, где должны были находиться подозреваемая и судмедэксперт.

— Следователь Гуров Лев Иванович, — показал мужчинам свое удостоверение Гуров.

— Не нужно, это ни к чему, — отмахнулся от протянутого документа мужчина.

Гуров осмотрелся, заметил стул и подтащил его к дивану. Поставил так, чтобы сесть напротив. Мужчины, помявшись, сели обратно на диван.

— Меня зовут Петр Егорович, — представился старший. — Я... сын Елизаветы Ильиничны, — он взглянул на дверь, за которой скрылся Крячко. — А это уже мой сын Женья. Евгений.

— Здравия желаю, — мрачно произнес Женья.

Гуров молча кивнул, тем самым дав понять, что церемонию знакомства можно считать завершенной.

— Я, наверное, должен рассказать вам, почему мы здесь, — продолжил Петр Егорович.

— Не надо, я знаю, почему вы здесь, — остановил его Гуров.

— Или вы сначала будете задавать нам вопросы? — еще сильнее забеспокоился Петр

Егорович. — Прошу прощения, но с полицией мне приходилось общаться редко, только в ГИБДД заскакиваю да детективы смотрел. Простите еще раз.

Он совсем стушевался.

— Ну хорошо, давайте послушаем вас, — предложил Гуров.

Петр Егорович развел руками и тут же снова сцепил пальцы в замок.

— Собственно, я мало о чем знаю, поэтому повторю то, что услышал от мамы, — начал Петр Егорович. — Она позвонила мне утром, я уже не спал, конечно, но сразу понял, что что-то случилось. Она извинилась и сказала, что Карины больше нет. И добавила, что очень устала и не видела другого выхода. А потом просто положила трубку. Я сразу понял, что дело дрянь.

— Где вы были прошлой ночью?

— Дома, — тут же ответил Петр Егорович и покосился в сторону сына. — Я был дома. У себя. Это в Кунцеве.

— Один?

— Один.

Слушая его, Гуров исподтишка наблюдал за Женей. Этим утром парень потерял любимую девушку, и в этом была виновата ■

его родная бабка, но он вел себя совсем не так, как мог бы кто-то другой, оказавшийся на его месте. Только сильнее стискивал пальцы на руках и не поднимал взгляда, вот и все. Но больше ничто не выдавало его состояния. Однако Петр Егорович заметил интерес Гурова к сыну и попробовал снова переключить внимание на свою персону.

— Я, конечно, сразу же рванул сюда, — неуверенно продолжил Петр Егорович. — По пути прихватил сына. Он эту ночь провел у друга, пришлось ему звонить и просить выехать мне навстречу.

— Да, я был у другана. Обмывали его новую тачку. Встретились с отцом и вместе приехали сюда, — заключил Женя, кажется, решив сломать себе все пальцы. — Запретил мне садиться за руль.

— Так было надо, сынок, — мягко заметил Петр Егорович. — Я и сейчас считаю, что ты не должен ходить на работу. Подождут твои дела.

— Я разберусь, пап.

Тут-то Гурову и удалось заглянуть в глаза парня. То, что он достаточно хорошо прятал внутри себя, на мгновение вырва-

лось наружу. Совершенно сумасшедший страх, как перед чем-то неизведанным, черным и непременно с горьким финалом. Так смотрит ребенок на бормашину, впервые оказавшись в кабинете дантиста.

Петр Егорович подался вперед, снова пытаюсь привлечь к себе внимание.

— Вы поймите нас правильно. Еще вчера все было в порядке, а сегодня мы узнаем, что моя мать убила человека. И не кого-то постороннего, а почти что члена семьи. В голове не укладывается. Да что я вам рассказываю, господа!

— Я понимаю, — ответил на этот крик души Гуров. — Итак, Елизавета Ильинична попросила вас срочно приехать, правильно? Или просто сообщила о случившемся?

— Не просила она приехать, — ответил Петр Егорович. — Просто поставила перед фактом. Конечно, дома оставаться я уже не мог. Мама наверняка хотела, чтобы я приехал, иначе зачем тогда было звонить мне с утра? Подхватился и полетел за сыном.

— Во сколько вы были здесь?

— В половине девятого утра, где-то так. Здесь уже была полиция, а чуть позже приехала и «скорая помощь». Ой, нет. Около ■

девяти. Мы приехали около девяти утра. Сын, ты не помнишь?

— Не помню, — отвернулся Женя.

— Раньше между Елизаветой Ильиничной и Кариной случались конфликты?

Отец и сын переглянулись. Ответить решил Женя.

— Я бы знал, — твердо произнес он.

— Но ваша бабушка заявила о насилии с ее стороны. — Гуров склонил голову набок.

— Она не могла такого сказать, — дернул головой Женя.

— И тем не менее. Придумывать нам незачем.

— Над ней никто не издевался, — повысил голос Женя. — Никто и никогда. Я с ней с рождения живу, она мне мать заменила. И когда Кэрри... Карина появилась, то они сразу же поладили, с первой минуты знакомства. Бабушке Карина понравилась, она была не против того, чтобы мы все жили в одной квартире.

— А давно вы с Кариной стали жить вместе?

— Да скоро год уже.

— И бабушка ни разу вам не рассказывала о том, что, например, они с Кариной

что-то не поделили, поспорили? Может быть, вы пропустили мимо ушей? Забыли?

— Да не было ничего такого! — воскликнул Женя, но его слова прозвучали как-то неуверенно.

— Жень, тише, — попросил сына Петр Егорович и посмотрел на Гурова. — Я подтверждаю его слова. Все так и есть. Все так, как он говорит. С мамой мы созваниваемся довольно часто, она от меня редко что скрывает. Рассказала бы и о конфликтах, но она никогда не поднимала эту тему. Да и я не могу представить, чтобы такая милая девушка, как Карина, могла сказать что-то поперек.

— Иногда люди молчат о чем-то очень долго, — произнес Гуров. — Они запуганы, им угрожают. Не ваш случай?

— Да о чем вы говорите?! — вскочил на ноги Женя.

— Сядь, сын, — попросил Петр Егорович.

Но Женя уже ничего не слышал. Он вскочил на ноги и сделал шаг вперед.

— Мы видели Карину, — громко заявил он, нависая над Гуровым. — Пришлось чуть ли не перешагивать через нее. Это у вас работа такая — плевать на чувства людей? ■